

Генри Лайон Олди

Жестокий выбор Аники- воина

*Часть сборника
Песни Петера Сълядека
(сборник)*

Хёнингский цикл

Генри Олди

Жестокий выбор Аники-воина

«Автор»

2003

Олди Г. Л.

Жестокий выбор Аники-воина / Г. Л. Олди — «Автор»,
2003 — (Хёнингский цикл)

«Сидя в углу, Петер терзался душевной смутой. Против обыкновения, это не было связано с вечным спутником-голодом, назойливостью окружающих или с поиском места для ночлега. Привычные, знакомые поводы разбежались, оставив бродягу недоумевать. Его накормили, заказанные песни он честно отыграл, снискав одобрение слушателей, теперь из-под пальцев легко струилась умеренно-фривольная мелодия без слов, которая всех вполне устраивала. О лютнисте, похоже, забыли – и слава Богу. С ночлегом также особых забот не предвиделось: хозяин не возражал, чтобы бродяга-музыкант скоротал ночь под закопченной, низко просевшей крышей кабака...»

© Олди Г. Л., 2003

© Автор, 2003

Генри Лайон Олди Жестокий выбор Аники-воина

«...ландскнехты, никому не нужные люди, которые всюду бесцеремонно бродят, ищут войны и бедствий, и являются спутниками последних. Безбожных, погибших людей, чье занятие – разрушать, резать, грабить, жечь, играть, пить, богохульствовать, которые радуются чужому несчастью, кормятся, отнимая у других, – о них я ни под каким видом не могу сказать, что они не являются язвой всегосвета.»

Себастиан Франк, «Weltbuch»

Наш мир надменен и суров

Зимой и летом,

Но это – лучший из миров.

Узнай об этом.

Ниру Бобовай

Сидя в углу, Петер терзался душевной смутой.

Против обыкновения, это не было связано с вечным спутником-голодом, назойливостью окружающих или с поиском места для ночлега. Привычные, знакомые поводы разбежались, оставив бродягу недоумевать. Его накормили, заказанные песни он честно отыграл, снискав одобрение слушателей, теперь из-под пальцев легко струилась умеренно-фривольная мелодия без слов, которая всех вполне устраивала. О лютнисте, похоже, забыли – и слава Богу. С ночлегом также особых забот не предвиделось: хозяин не возражал, чтобы бродяга-музыкант скоротал ночь под закопченной, низко просевшей крышей кабака.

Смута Петера была совсем иного свойства. Он никак не мог уяснить, в какого рода заведении очутился. Кочуя с детства, Сълядек посетил великое множество кабаков, таверен, харчевен, трактиров, шинков, трагторий, рестораций, гандельков и колыб, Господним и людским промыслом назначенных для отдыха и увеселения брюха (а с помощью лютниста – уха и духа). Среди них встречались места вполне благопристойные и откровенно-разбойничьи притоны, прибежища усталых путников и разудалые вертепы разврата, ханжески-скромные трапезные при монастырях и оплоты бесшабашной вольницы, буянов всех мастей, где дым стоял коромыслом... Разное повидал на своем веку Петер Сълядек, а вот сейчас находился в затруднении.

С чем соотнести кабак Хода Псоглавца, что торчал прыщом-анахоретом у перекрестка Вельмарского тракта с Пшецальским шляхом?!

– Мелкий порох для затравки, крупный – для зарядов...

– В железе, подлец! Сплошь! Ладно, беру панцерштехер...

– А расчет жалованья?

– По первому числу месяца до сражения...

Снаружи кабак более всего напоминал дубовый пенек с косым срезом крыши. Внутри дело обстояло так же: надежность без изысков. Крепкие скамьи из ясеня, мрачные столы-раскоряки; пять бочонков с успехом заменяли нехватку столов при наплыве народа. Занозистый потолок украшали два тележных колеса с укрепленными по ободу свечами. Дух еды, перегар хмельного, запах немых тел шибает в нос. Снаружи истошно вопит свинья, не желая становиться ветчиной. Зато кормили здесь на убой, спаси и сохрани! Бродяге, например, достались крепыши-боровики с луком, тушеные в сметане, миска черного гороха со смальцем, а впридачу куриная нога неправдоподобных размеров, нашпигованная чесноком. Пальчики оближешь! Петер, собственно, и облизал. Праздник желудка sprysнула здоровенная кружка горячего клаварта с имбирем, отчего в голове возник приятный шум в соль-миноре. А народ вокруг жрал

и пил всякое, редко повторяясь. Надо отдать должное Псоглавцу (вот ведь кличка, прости Господи!): кухня, при внешнем убожестве заведения, оказалась на высоте. Особым разнообразием отличалась выпивка: прославленная «зусмановка» на лавровом листе, ягодный «витрянчик», «Егерь Грозната» и его смуглые родичи из семьи крепчайших бальзамов, пенник, винцо – в холодном и горячем виде, с пряностями и без...

Гуляй, душа!

Души гуляли. Народ в кабаке собрался лихой: наемники-ландскнехты, разряженные в пух и прах, грозный кондотьер из Равенны, чуть что хватавшийся за меч, капитан-брабансон с троицей рядовых пикинеров, парочка дворян-французишек из «Lancia spezzada», прошедших суровую школу командования ротой авантюрьеров, испанский мушкетер, гордец, каких мало... Окружив бочонок, любовались героями местные парни, явно мечтавая присоединиться к пестрому военному братству. Эй, вербовщик, чего ждешь? – иди, бери дуралеев голыми руками! Таких опытные вояки, нимало не стесняясь, вслух звали «беками», иначе «козлами». Насмешливо цитировали Йоханнеса Колотушку: «Бек» есть сопляк и преступник, молодец и слуга, млад и стар – едва ли половина «козлов» годна для боя!" Еще в кабаке протирал штаны какой-то совсем уж непонятный головорез, горланя о своих подвигах, да в углу устроились двое нищих: слепец и одноглазый, колченогий калека-поводырь.

– Добыча в раздел, кроме пушек и пороха...

– Земляков в случае драки звать артикул запрещает! Кликнешь своих, тебя профос за ушко...

– Мадьяр бьет наотмашь, московит – сверху вниз...

– ...осман к себе тянет, поляк на крыж машет!..

– Какой ландскнехт без шаровар?! Посмешище...

– Купи шишак! Дешево отдам!..

– При Дражлище, на правом фланге...

Кричали, перекрикивали, буравили друг дружку взглядами: словно ножами пырялись. Однако, лишних непотребств избегали. Драки пресекались в зародыше, единым движением брови Хода Псоглавца. Эта же в высшей степени убедительная бровь давила на корню возможный отказ платить. Даже взашей еще никого не вытолкали. Странно. Люди отчаянные, военные, а ведут себя едва ли не монахами. Кабак на вид дыра дырой, а кормят от пуза. Время от времени посетители делали знак Псоглавцу, уходили с кабатчиком на двор и после кратких переговоров возвращались гулять дальше – или, наоборот, спешно удалялись, забыв допить пиво. Конечно, это не дело бродячего лютниста, и все-таки...

Попал сюда Петер, можно сказать, чужой волей, но теперь несколько о том не жалел.

Направляясь из Майнца в родное Ополье, бродяга ухитрился заблудиться. Изрядно этому обстоятельству удивившись (ведь как свои пять пальцев!..), но не слишком огорчась, Петер заночевал в стогу сена. Благо вокруг полыхал жарой конец июля. На следующий день он выбрел к местечку с гордым названием Орзмунд. Местечко это, пришибленное собственным имечком, будто пыльным мешком из-за угла, Съядек помнил. Бывал тут однажды. И воспоминания сохранил самые безрадостные. Пограничный Орзмунд, вечный камень преткновения между Хольне, Майнцем и захудалым Ясичским княжеством, считался условно «вольным». Со всеми вытекающими отсюда последствиями. В городке и окрестностях имелись целых три вербовочных пункта, где прожженные, изрубленные, нюхнувшие пороха капитаны набирали отряды ландскнехтов. В работодателях недостатка обычно не было: короли-герцоги, курфюрсты-маркграфы и прочие высокопоставленные особы с усердием молотили один другого, вечно нуждаясь в опытной солдатне.

Соответственно, округа кишела малопривлекательными с точки зрения местных обывателей личностями. Большими любителями набить брюхо и выпить на дармовщинку (поди стребуй с вояки денег!), завалить в кусты приглянувшуюся девку или бабу, поживиться чужим

добришком, а то и махнуть вострой сабелькой сплеча, без лишних слов... Здесь же процветали фехтмейстеры различных «братств», кому не досталось места при «высоких» дворах, а идти в простые наемники мешал гоно́р.

Славные, значит, парни. Пожар Отечества. В прошлый раз Сьядек еще легко отделался. Отобрали жалкие гроши, да по зубам двинули: без злости, для порядку. Чтоб знал. Вот и сейчас зубы заныли, предчувствуя.

А, была – не была! Господь не выдаст, свинья не съест.

Свинья не съела. Орзмунд выглядел на удивление мирно, хотя наемниками кишел кишмя. Поплевывая через плечо, чтоб не сглазить, Петер юркнул в ближайшую корчму, где пришелся вполне ко двору. Бородач в стеганом камзоле и жутких, шириной с Босфорский пролив, шароварах миглом затребовал «Левую руку Тьмы», затем последовали «Овернский клирик», «Ветер и сталь», «Дерни за веревочку», «Монахи под луной»... Короче, ужином и кровом Петер вскоре был обеспечен. Город он наутро покинул в чудесном настроении: похоже, за минувшие годы округа заметно успокоилась. У страха глаза велики, тьфу-тьфу-тьфу...

Плохо плевал, без души.

Вот и проплевался.

На повороте к Ясичу его остановили.

– Издалека? – испытующе вперился в бродягу главарь компании. Шляпа с широкими полями и куртка-безрукавка на голое тело делали главаря похожим на гриб. Этаким боровик-переросток. Видимо, решив отомстить людям за все обиды грибного племени, боровик вооружился изрядным тесаком и вышел на большую дорогу в обществе родичей. Бери лукошко, собирай: щеголь-мухомор с аркебузой, бледный поганец с пикой – и живчик-груздь, до звона увешанный мясницкими ножами.

– Из Орзмунда иду...

Грибница переглянулась. Груздь скакнул к атаману, привстав на цыпочки, горячо зашептал боровику в ухо. Ключьями осенней паутины, до Сьядека донеслись обрывки шепота: «... в одиночку... Аника!.. воин...»

«Бить станут, – грустно нахохлился Петер. – Надо попросить, чтоб не по лютне...»

Однако грибы с большой дороги медлили.

– И кто же ты будешь, мил-человек?

– Я... буду...

– Капитан? Полковник?! Герой «Битвы Златых Шпор»?!

В тенорке мухомора булькал приторный, издевательский елей.

– Я бедный музыкант... песни пою, народ веселю...

Иногда нытье помогало; жаль, редко. Прикинуться дурачком тоже на пользу: дурачков обижать грешно.

– Музыкант? Чем докажешь?!

– Лютня у меня...

Лепеча объяснения, Сьядек холодел при одной мысли, что грибы отберут или сломают его единственное сокровище.

– А ну, сыграй для души!

Спешно расчехлив инструмент, Петер от испуга затянул благочестивую до икоты «Пастораль» Арнштада. Физиономии грибницы вытянулись, словно в их нежную мякоть вгрызлись черви.

– Чего нудишь, сморчок! Так и я могу... «Дезертира» давай!

Петер дал. Грибница притопнула с одобрением. Даже поганец порозовел и соизволил дернуть бескровной губой: ишь, виртуоз!

– Молодец! Айда с нами! Томас Бомбардец отряд набирает, завербуешься барабанщиком!

От столь лестного предложения Петер на миг впал в ступор.

– Я не умею!.. барабанить!.. я на лютне...

– На барабане каждый умеет, – с уверенностью, рожденной опытом, подвел итог боровик. – А если музыкант, значит, громче всех. Чего там уметь: лупи палками... Ладно, идем в кабак к Псоглавцу. Развеселишь – накормим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.